

МОНИТОРИНГ

Институт гуманитарных исследований Московского гуманитарного университета в мае 2005 г. продолжил мониторинговое исследование «Российский вуз глазами студентов. Это V этап мониторинга, проводимого Московским гуманитарным университетом совместно с Союзом негосударственных вузов Москвы и Московской области, а с IV этапа — и Национальным союзом негосударственных высших учебных заведений. Научный руководитель мониторинга — проф. И. М. Ильинский. Руководитель работ по мониторингу на IV и V этапах — проф. Вал. А. Луков. Журнал «Знание. Понимание. Умение» публиковал одномерные распределения, полученные на IV этапе мониторинга в ходе опроса 1129 студентов 12 государственных и негосударственных вузов. На V этапе эмпирическая база исследования расширилась. Было опрошено около 2000 студентов из почти 30 вузов Москвы, Московской области, Вологды, Казани, Петрозаводска, Рязани, Сыктывкара, ряда других российских городов.

Обработка материалов только начата, но некоторые тенденции обозначились уже сейчас. Предлагаем вниманию читателей статью Вал. А. Лукова, в основу которой положено его выступление на научно-практической конференции «Молодежная политика и молодежное движение в России: 15 лет перемен», состоявшейся 30 мая 2005 г. в Московском гуманитарном университете. К статье приложены распределения ответов студентов по двум вопросам анкеты — в связи с темами, затронутыми Вал. А. Луковым. На день проведения конференции было обработано 747 анкет, заполненных студентами московских вузов.

Вал. А. Луков

Студенты Москвы: ожидание перемен?

К студенчеству следует обратиться как к силе, способной стать мощной опорой социального развития России. Почти 6,5 млн. студентов, обучающихся в российских вузах, войдут в группу лиц с высшим образованием, пока не слишком большую в сравнении с передовыми

странами (с высшим образованием у нас пока менее четверти занятого населения)¹, но без которой не-

возможно идти в информационное общество, невозможно строить экономику, основанную на знаниях. В силу ряда обстоятельств, а именно (а) специфики интеллектуального

¹ Эти данные осмысливаются в аспекте развития системы высшего образования в России в новейших книгах: Ильинский И. М. Негосударственные вузы России: опыт самоидентификации. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2004; Плаксий С. И. Парадоксы высшего образования. М.: Национальный институт бизнеса. 2005.

и управленческого труда как преимущественной перспективы занятости выпускников вузов, (б) концентрации студентов в вузовских сообществах, а в масштабах России — и в университетских центрах, (в) большие возможности в сравнении с другими группами молодежи взаимодействовать с лучшими умами страны и носителями культурных ценностей (профессора, преподаватели) — в силу всего этого студенты играют роль индикатора процессов преемственности и смены поколений. Процессов как положительных, так и отрицательных. Из этого, среди прочего, следует, что молодежная политика — и государственная и общественная — должна специально выделять студенческие проблемы как имеющие общегосударственный, общенародный характер.

Об ожиданиях студентов. Студент мая 2005 года выстраивает рейтинг ценностей «хорошей жизни», верхнюю часть которого составляют: 1) материальная обеспеченность, 2) хорошая семья, 3) здоровье, 4) любовь («любить и быть любимым»), 5) хорошая работа. Это приоритеты для большинства студентов — от четырех пятых до двух третей их числа. Такая картина повторяется во всех наших исследованиях, проводившихся с 1994 г. Хорошее образование не стоит в группе приоритетов: лишь четверть студентов включают его в свою формулу «хорошей жизни». Еще меньше тех, кто считает для себя важным «иметь власть, занимать высокое положение в обществе» (17%), «жить не для себя, а для людей» (7%).

Опираясь на собственные силы, ни на кого другого не полагаться в достижении жизненного успеха намерены три четверти студентов. Эта общая линия на *индивидуальное достижение* ослабляет претензии типичного студента к образовательным структурам, и в целом он высоко оценивает свой вуз, профессорско-преподавательский состав, условия обучения. Эта же линия определяет и то, что у студента мая 2005 года ослаблена привязанность к своей стране, и 8% опрошенных планируют уехать на работу за границу после окончания вуза, а если бы представился

случай заключить выгодный контракт, почти половина студентов (45%) готовы уехать за границу на постоянное место жительства и еще почти треть (29%) не знают, что ответить, иными словами, не говорят «нет».

В этих данных (а они были получены и в исследованиях прошлого года) проглядывают установка на индивидуальный выбор своего жизненного пути, намерения опираться на свои силы. И пока в России проблематично молодому специалисту реализовать себя в меру таланта и за должное вознаграждение, «утечка умов» за рубеж неизбежна. Но проблема «утечки умов» сложнее, чем ее обычно представляют: значительная часть молодых специалистов обслуживают интересы иностранных компаний и транснациональных корпораций, никуда не уезжая из России и выполняя соответствующие договорные работы. Эта скрытая «утечка умов» гораздо масштабнее явной и тоже связана с несопадением ожиданий молодых специалистов — выпускников вузов с предложениями российской экономики. Возможный конфликт таким образом снимается, но какой ценой!

В целом подтверждается общее положение, которое на протяжении многих лет показывают мониторинг ВЦИОМ и другие исследования: в молодежной среде уровень оптимизма выше, чем в других возрастных группах населения, поддержка власти и реформ более выражена. Но мы должны признать: это влияние фактора молодости, а не фактора эффективной молодежной политики.

То же касается и студентов, и на фоне высоких показателей удовлетворенности своими вузами и своей студенческой жизнью на передний план парадоксально выдвигается вопрос о возможности «студенческого бунта» в России. События, подобные украинской «оранжевой революции», не прогнозировались при формировании политических доктрин, в частности и основ государственной молодежной политики. Активное участие студентов в киевских событиях прошлого года показало, что студенты сохраняют потенциал мощного фактора политических перемен. Оценка российской ситуации еще

впереди, имеющиеся исследования слишком фрагментарны, чтобы делать далеко идущие выводы. Но есть мировой опыт, который показывает, насколько ситуация не проста.

Для сравнения приведем итоги авторитетных опросов в США времен «студенческого бунта» 1960-х годов. По данным института Харриса, полученным весной 1968 г. (студенческая Европа уже на баррикадах!), «радикальных активистов» среди студентов США было лишь 1-2%. Д. Янкелович («Даниел Янкелович Инк.») по опросу начала 1969 г. констатировал: из общего числа студентов США около 13% могут быть причислены к «бунтующей молодежи», из них сторонники насильственных действий составляли 3,3% (другие характеризовались как «нигилисты»)¹. Итак, незначительной части радикально настроенной молодежи оказалось достаточно для того, чтобы начался всеохватывающий «студенческий бунт», последствия которого до сих пор о себе дают знать в США и европейских странах. Собственно, государственная молодежная политика как система, как реальная практика сформировалась в западном мире в теснейшей связи именно с этими событиями. Снова отметим: детонатор составлял ничтожную часть от массы студентов, и «бунт» развивался по законам цепной реакции (подобно нынешней аварии в Чагино). Из этого следует, что детонатор может быть как угодно мал, но если лозунги и призывы радикально настроенных групп и личностей входят в резонанс с настроениями студенческих масс, ситуация может меняться с такой скоростью, что контроль и властей, и студенческих лидеров над ней невозможен.

Что же у нас? Многие исследования, в том числе проводившиеся в Московском гуманитарном университете, показывали нарастающее протестное потенциала молодежи в последние годы, даже когда внешне ситуация оставалась спокойной. В исследовании, которое только что проведено, инструмент

предусматривал фиксацию протестных настроений по большей части в косвенной форме. Лишь один индикатор (затерянный в одной из шкал) прямо фиксировал политическую установку на критическое отношение к властным структурам. Итог по обработанным анкетам таков: около 15% студентов связывают реализацию своих жизненных планов со сменой правительства. Это очень высокий показатель прямо выраженных «бунтарских» установок, даже если из него не следует уличных беспорядков и баррикад.

Каковы же характеристики тех из студентов, кто считает, что для достижения их жизненных целей необходимо сменить правительство? Или другими словами — чем эта группа студентов (назовем их «бунтарями», но в кавычках: мы говорим об умонастроениях, а не о реальных политических акциях) отличается от других студентов? Сопоставление показывает, что разницы практически нет между «бунтарями» и всей массой студентов ни по материальному положению семьи, ни по фактору совмещения учебы и работы, ни по членству в политических партиях и общественных объединениях или участию в политических акциях. Среди «бунтарей» примерно та же доля, что и среди всех студентов, тех, кому интересно учиться, кто удовлетворен профессорско-преподавательским составом своего вуза, кто уехал бы жить за границу, если бы повезло с удачным контрактом. Здесь та же доля считающих, что государство должно помогать студентам, и доля уверенных, что высшее образование — это гарантия жизненного успеха, и т. д. По большинству параметров, зафиксированных в исследовании, эта группа характеризуется так же, как и студенчество в целом — вот главное.

Где же различия? Они довольно неожиданны и заставляют задуматься над направленностью и механизмами молодежной политики. В группе «бунтарей» несколько больше тех, кто не считает, что их жизнь в

¹ См.: Давыдов Ю. Н. Эстетика нигилизма: (Искусство и «новые левые»). М.: Искусство, 1975. С. 62-64.

последний год стала лучше или не изменилась (разница со средним показателем в 11%). Отличное и хорошее настроение на прошедшей неделе отмечают в общей массе студентов чаще, чем в группе «бунтарей» (разница в 7%), где, между прочим, среди девушек почти пятая часть отметили свое плохое настроение, что вдвое превышает усредненный показатель по все опрошенным. Немного ниже у «бунтарей» показатели оптимизма во взглядах на свое будущее, в оценке того, как к студентам относятся в их вузе. Немного больше среди них тех, кто хотел бы иметь власть (разница в 8%), навести железный порядок в стране (разница в 9%), немного меньше — кто считает для себя важным быть независимым (разница в 5%) и т. д.

Из сопоставления данных вытекает вывод, что ничего специфичного в студентах «бунтарях» нет, что такой более или менее оформленной группы нет, а значит, ее невозможно выявить и вести с ней целенаправленную работу. По большей части обозначенные расхождения статистически незначимы, и лишь улавливается некоторая тенденция, а она в том, что политическая заявка относительно правительства является отражением настроения, сегодня испорченного, а завтра, возможно, исправленного. *Мерцание настроения* и будет предопределять частоту появления высказываний о необходимости смены правительства (разумеется, если нет явных признаков правительственного кризиса как реальности).

С точки зрения политической стабильности в стране, это явление крайне опасно. Оно означает, что отношение студентов к правительству, к сложившейся политической системе в целом в любой момент может быть изменено в силу стечения обстоятельств, под давлением внешних сил. Управляя настроением, можно добиться быстрого роста негативизма студенческой массы, легко разжечь пожар антиправительственных выступлений. Очень важно, что на перемену настроения мало влияют долговременные факторы молодежной политики, они по большей части слабо осознаются студентами, особенно

самой молодой их частью.

На фактор «студенческого бунта» для решения вопросов узких — корпоративных, ведомственных — нередко полагаются и проправительственные организации, и даже сотрудники государственных структур. Например, когда ликвидировались те или иные структуры по делам молодежи, при аппаратных обсуждениях ситуации иногда звучало предложение: давайте, выведем студентов на улицы. Конечно, это были лишь предложения и до дела не дошло ни разу, но само намерение так поступить отражает заблуждение, что студент — вне политики, и на митинг его можно послать, как в советские времена на субботник или на картошку.

Но если мы не знаем и не можем знать, когда и где рванет, если нет связи этого обстоятельства с иными факторами, кроме общественного настроения, нужна ли молодежная политика, а если нужна — какой она должна быть? Ведь ясно, что направление всех сил на то, чтобы у студентов ежедневно было бы хорошее настроение, — не может быть ни целью, ни механизмом взаимоотношений государства и студенчества.

Для начала попробуем понять российский секрет: почему, несмотря на массу свидетельств об отвержении россиянами антинародных реформ, о высокой напряженности в обществе, о протестных настроениях, о немыслимом разрыве в уровне доходов населения, о массовом обнищании населения, об утере доверия к государственным органам, политикам, идеологам и т. п., несмотря на противоречие мировому опыту социальных взрывов — ничего такого не произошло? Если говорить о студентах — не произошло студенческих выступлений в 1990-е годы, когда по всем приметам мирового опыта они должны были прокатиться по стране?

Сохранению стабильности во многом помогла обстановка хаоса и снижения социального контроля при распаде СССР. Для студентов возникли широкие возможности экспериментировать над собой, сочетая учебу с поиском работы и собственно работой — связанной с получаемой профессией или

нет. Работа плюс учеба не только на вечерних и заочных отделениях, но и на очных стали своего рода графитом в ядерном реакторе: студент занят и учебой, и добыванием средств к существованию, он самостоятелен и относительно обеспечен, у него мало времени на протестные действия. Из этого стихийно возникшего положения следовало бы сделать практические выводы. Поддержание социальной стабильности в обществе во многом достижимо, если решаются вопросы эффективной занятости молодежи, студентов в первую очередь. Эффективная занятость должна быть понята не только как экономическая категория. Важно, чтобы *молодой человек считал свою занятость эффективной*. Иначе говоря, считал, что в достаточной мере реализует себя в деле, имеет перспективу роста, его работа ему интересна и т. д. Здесь видится главное направление для реализации программ воспитания у молодежи патриотизма и гражданственности, без чего никакие меры молодежной политики не принесут плодов. Но если с этим согласиться, то требуется новая организация трудоустройства молодежи: создание информационных систем, помогающих найти работу, разработка особого класса рабочих мест на современных производствах (с учетом перспектив информационного общества), организация научно-производственных предприятий при вузах и т. д., куда надо бы направить крупные средства. Много делается и сегодня, но масштабы проблемы значительно превосходят проводимую экспериментальную работу. Даже ориентированные на свои силы студенты ждут поддержки в трудоустройстве от своих вузов. «Должен ли вуз давать какие-либо гарантии своим выпускникам по их трудоустройству?» — да, считают почти 80% опрошенных студентов. Но это вопрос не столько вуза, сколько государства, его молодежной политики. Надо исходить из того, что включение студентов в профессиональную деятельность формирует их планы на будущее, делает желаемые перспективы реальными, дает опыт взаимодействия в трудовых коллек-

тивах. Немаловажны и все формы дополнительного образования, второго высшего образования, послевузовского образования (аспирантуры).

По всей видимости, время федеральных целевых программ, подобных Президентской программе «Молодежь России», или прошло, или не наступило. Постановка в федеральной программе таких целей, как снижение темпов неблагоприятной динамики развития демографической ситуации в стране, улучшение физического здоровья молодого поколения, повышение уровня доходов молодежи и молодых семей, улучшение социально-бытовых и жилищных условий и еще нескольких того же масштаба при ничтожном финансировании означает самообман. Возможно, на федеральном уровне должна быть программа преимущественно управленческого характера, позволяющая координировать средства, выделяемые на цели молодежной политики по разным каналам, наладить подготовку социальных проектов, организацию обучения кадров, консультации для регионов и исследования. В этой программе должен реализовываться *принцип субсидиарности* — передачи средств на осуществление задач государственного характера тем, кто сможет их наилучшим образом реализовать. Если говорить о молодежной политике — в первую очередь молодежным и детским общественным объединениям, студенческим в том числе.

26 мая исполнилось 10 лет со дня принятия Федерального закона «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений», впервые закрепившего механизмы реализации принципа субсидиарности. Принятые в 2004 г. изменения в Законе сделали его ненужным. Приходится констатировать: смысл Закона новым поколением политиков не понят. Не понята не только идейная, воспитательная сторона поддержки молодежных и детских организаций, но и экономическая эффективность вложения относительно небольших средств в общественно полезные дела организованной молодежи, которые высвобождают на-

много большие средства, расходуемые на преодоление девиаций в молодежной среде. Все надо начинать сначала. Снова нужна широкая дискуссия о молодежной политике, каковая была развернута в 1987–1991 гг. Снова необходимо убедить руководство страны и общество в том, что «взять под государственный контроль социализацию молодежи» (центральный пункт в проектах до-

кументов, подготовленных в 2002 г. к заседанию Госсовета) невозможно иначе, как став на путь тоталитарного государства. Строить же молодежную политику на сотрудничестве государства и гражданского общества, создавая условия для того, чтобы молодой человек приобщался к национальным ценностям и реализовал себя в деле, проявлял свои способности, можно и нужно.

ВЫБОРОЧНЫЕ ДАННЫЕ МОНИТОРИНГА, ПОЛУЧЕННЫЕ В МАЕ 2005 г.
(по обработанным анкетам, N=747) (в %)

Что для Вас означает «хорошо жить»?²	мужчины	женщины	все опрошенные студенты
быть материально обеспеченным	77.1	79.8	78.9
иметь хорошую работу	70.3	64.6	66.4
иметь хорошую семью	67.8	71.3	70.2
совсем не работать	3.4	2.2	2.6
иметь власть, занимать высокое положение в обществе	22.5	14.5	17.0
любить и быть любимым	61.4	70.7	67.8
быть здоровым	66.9	71.3	69.9
жить не для себя, а для людей	10.6	5.1	6.8
иметь хорошее образование	25.4	24.6	24.8
чувствовать себя защищенным, в безопасности	16.5	25.9	23.0
быть независимым, свободным	41.5	41.1	41.2
другое	1.6	0.6	0.7

Для того чтобы Вы достигли своих жизненных целей, необходимо...	мужчины	женщины	все опрошенные студенты
опираться на собственные силы, ни на кого другого не полагаться	73.5	73.9	73.8
навести железный порядок в стране	22.6	14.6	17.2
чтобы государство помогало студентам	25.2	31.8	29.7
повысить качество обучения в вузе	12.4	14.6	13.9
провести такую реформу образования, чтобы российские дипломы признавались на Западе	22.2	34.8	30.8
сменить правительство	17.5	13.6	14.9
сохранить достигнутый в семье уровень жизни	11.1	17.2	15.3
другое	6.6	2.2	4.5